ЮРИЙ ТРУБЕЦКОЙ

ДВОЙНИК

СТИХИ

РИФМА
ПАРИЖ

ЮРИЙ ТРУБЕЦКОЙ

ДВОЙНИК

СТИХИ

Р И Ф М А
ПАРИЖ
1954

Знаком этот образ печальный,
И где-то я видел его...
Быть может, себя самого
Я встретил на глади зеркальной.

Александр Блок.

ДВОЙНИК

Под дождем брожу нелепо,
Скучный, длинный и немой,
И фарфоровое небо
Точит слезы надо мной.

Вечер нудный, вечер длинный,
Я — к бродяжеству привык,
А в витрине магазина
Зло смеется мой двойник.

Он стоит в нарядном фраке,
Разутюжен и побрит.
Обратит вниманье всякий
И похвалит этот вид.

Он не пишет и не курит,
В середине — пустота,
Под бровями свет лазури
И как розаны уста.

Смотрит он как праздный, тощий
Под окном торчит. И пусть!
И струит осенний дождик
Элегическую грусть.

1952.

Давно с тобою мы простились —
Нева и ледяной дворец.
Лишь звездные лучи струились,
Как бы предчувствуя конец.

И музыка звучала тихо
И замирала где-то там.
Беда — голодная волчиха —
Ходила, воя, по следам.

И острова, и часовые,
И обожженные мосты,
И панихидная Россия,
И вопли ветра. И кресты.

1922.

Тихий шорох берез отталых
И весенний снег под горой.
На пристани лязг причала,
Дым костра и туман над водой.

Как впервые вижу. Приемлю
Благословенье Твое —
Сырую взрытую землю,
Каждый вздох и трепет ее.

И — чтоб мог я чувствовать бремя
Легчайшее, бремя любви
Человеческой — злое время
Надо мною останови!

1923.

РАЗГОВОР

«Летели дни, крутясь проклятым роем»...
Я на скамье сидел в саду. Слегка
Накрапывал нечастый теплый дождик,
В разрыве туч вечерняя горела
Звезда. А рядом, воротник подняв,
Сидел высокий, стройный незнакомец.
Ему, как мне, повидимому был
Знаком весенний сплин, непостоянство
Большой звезды между сплетенных веток.
Молчали мы. Потом он вдруг сказал:
„И этот вечер канет без следа,
И что тогда останется в сознаньи?
Пожар зари?" Он замолчал. И я
Узнал его — лицо и тихий голос,
Глаза прозрачные под мягкой шляпой
И свет — «оттуда ринулись лучи»...
Я веки опустил. Прошло мгновенье,
И рядом — никого. А там, вверху,
Звезда, сиявшая алмазным блеском,
Вдруг облаком седым заволоклась.
Вокруг опять — обычно, повседневно.
Весна и ночь. Вдали мятется город.
Но перелетный ветер запевал
«О доблестях, о подвигах, о славе...»

1927.

Два желтых огня на самом краю
Дороги. Там, верно, мост.
Сегодня свой голос не узнаю,
Он тих, уверен и прост.

У балок шумит высокий бурьян
И песня слышна в саду.
Вином горьковатым разлуки пьян,
Покачиваясь иду.

Легко без любви. Будто мир иной
Глядится из быстрины.
Осенней травой, пересохшей травой
Ладони обожжены.

1927.

Я прочту вполголоса
Давние стихи.
Лягут света полосы
Сквозь листву ольхи.
Знаешь, сладко грезится,
И печаль легка
Под сияньем месяца
В дымных облаках...
Ходит осень по-полю,
Желтый сад шумит.
На верхушке тополя
Старый грач сидит.
Белый снег расстелется,
С крыш повиснет лед,
Загудит метелица,
Окна занесет.
Все слова припомнятся,
Что звучат еще...

В тихой, теплой комнате
Запоет сверчок.
Сохрани же нежности
Синий огонек,
В снеговой безбрежности
Путь далек, далек...

1939.

СОНЕТ

От леса веет грустью безначальной.
Проходит стадо. Мелкий дождь сечет.
И следом за коровами бредет
И чист и звонок голосок хрустальный.

Дик. Очевидно, из деревни дальней
Сюда попал. Кривится детский рот.
Сейчас заплачет. Но нельзя. Поет.
Пастух-мальчишка. Русый и печальный.

Пора домой. Коровы побрели
Тропинками исхоженной земли,
Сквозь пестрые намокшие деревья.

А там вдали — широкая река.
Грачи на пашнях. Ветер и тоска,
Да серых туч осенние кочевья.

1940.

В ПАРКЕ

Словам опять томиться нерожденным...
Вон мальчуган играет на песке,
И летний луч огнем темнозеленым
Скользит по смугло-розовой щеке.

Но потянуло с запада прохладой
И сумрачно вздохнули тополя.
И отвечает бормотанью сада
Таинственным молчанием земля.

1943.

Небо выше, светлее,
Нежней косые лучи.
В ясеневой аллее
Тревожно кричат грачи.

Тени легли, густые,
Темна под мостом вода.
Это было давно, в России,
А может быть — никогда.

1944.

СТАРИК

Сидит, на солнце согревая кости,
И смотрит сквозь очки на облака.
В глазах уже ни доброты, ни злости,
А просто безпредельная тоска.

И чувствует: она уже близка,
Придет на днях таинственная гостья, —
И желтая, иссохшая рука
Сжимает цепко рукоятку трости.

Еще пожить. Хотя бы только год,
А то лежать во тьме тысячелетья!
И тяжко охнув, со скамьи встает...

А небо меркнет в предвечернем свете
И, провожая вновь солнцеворот,
Сплетает время призрачные сети.

1945

Жарок день под маревом тонким.
Хвоя. Поросли бурой травы.
Католическая иконка
И небо стальной синевы.

По камням взбираются козы,
Колокольчиками звенят.
Пожелтели уже березы
И румянее виноград.

Сено звонкое на покосе.
Обмелела река, шумит.
Предвещая близкую осень,
Белый пух по ветру летит.

1946.

ВЕСНА

Игорю Чиннову.

Бледно светят Плеяды
Наклонясь над равниной,
За оградою сада,
Где свежо и пустынно.

Лай собак на рассвете,
Дальний крик паровоза,
И последние эти
Украшенья мороза.

По привычке закуришь...
Так близки почему-то —
Острый холод лазури
И дремотное утро.

1950.

Блоковское, цыганское,
Больное и чуть живое.
Раскольничье, окаянское
С окровавленной головою.

Трижды прокляты, бездомны
Нищи, — в дождь, в метель,
Поле, поезд, небо огромное.
Беженская постель.

1951.

Стоит старик на перекрестке.
Он — буря, снег. Он здесь чужой.
Проходят дети и подростки
И полицейский постовой.

Он к ним никак не обращает
Рассеянный и смутный взгляд.
Из них никто не замечает
Его бессмысленный наряд.

Он между прочим слабо сделан
Из снега, ветра и воды.
Слегка сквозит костями тело
Из под зеленой бороды.

И он враждебно-равнодушен
Ко всем прохожим и делам,
Бессмертные считая души
За скверный и ненужный хлам.

Он — буря, снег. Он — зимний вечер.
И синим светом залито,
Плывет как в океане глетчер
С большим воротником пальто.

1951.

БОЛЕЗНЬ

Звенящий ключ. Игра воображенья.
Халат гриппозный, горькая слюна,
И мысли неумелое скольженье
(По клеточкам схоронена).

Записан бред — ритмическая скука.
Кошачий мир компотной кислоты.
Ныряет медленно луны фелука
В коричневые лоскуты.

А на окне сады араукарий —
Зимы ненужный ранний рецедив.
Камена, мы сегодня не в ударе,
Грозит нам — длительный разрыв!

Идеи все, что вспомнились сегодня,
Метафоры — живые мертвецы.
Выводят из какой-то преисподней
Пегаса черти под уздцы.

1952.

Юрию Терапиано.

Да, мы будем смотреть на стеклянныя грозди
созвездий
В Петербурге холодном, где зимний сгущается мрак,
Где присутствуют Музы на том театральном
разъезде,
Где унылого автора видит лишь пара гуляк.

Да, мы будем бродить, рассуждая о прихотях жизни,
С Блоком слушать в ночном ресторане цыганскую
грусть,
Ах, зачем нам дано на последней, трагической тризне
Драгоценные строфы, сквозь бред, повторять
наизусть!

Наклоняются ниже стеклянныя грозди созвездий.
Полуночной Авроры улыбка сквозит в облаках.
Будем с автором, в черном, пустом театральном
подъезде,
Говорить о стихах, о России — и прочих ненужных
вещах.

1952.

Не бывает «невзначай»...
Добрый сумрак, крепкий чай
Да обкуренная трубка.
На замызганном дворе
В безнадежном сентябре
Осень веет пестрой юбкой.

Было-не было... Опять
Заниматься и писать...
Слушай маятник упрямый,
Старость черствую встречай!
Трубка, книга, крепкий чай —
Скучный акт житейской драмы.

1952.

Когда, ложась в постель, я задыхаюсь
И своего увижу двойника...
— Погода, нынче, сударь мой, плохая!
Не отого-ль и вся моя тоска?

А завтра что? Политика и плутни,
Сады в дожде и неба коленкор.
Устроиться у печки поуютней
И нехотя писать какой-то вздор...

1952.

Плотно закрыто окно.
Дождь или снег — все равно.

Я никуда не иду
И никого я не жду.

Весело, скучно иль грусть —
Как нибудь сам разберусь.

Рад или вовсе не рад...
В окна глядит листопад,

Длинный, змеиный закат.
Падают листья, летят...

1952.

ПАРАФРАЗА

Без шапки, пьяный и хромой,
Минуя черную ограду,
Из кабака идет домой
Уничиженный Мармеладов.

Уже пропит последний грош
Из эмигрантского бюджета.
И все равно не разберешь,
Коль смерть поставлена дублетом.

Ревут машины на углу,
Лечь под колеса приглашают, —
В пронизывающую мглу
Лучи бросая, исчезают.

И у канала — как тогда —
Мантилька, шарф, беретик старый...
И тянет погребом вода,
И снег шипит на тротуарах.

Хрипит в эфире «Хуторок»
В мотиве модного чарльстона.
И медленно проходит Рок
По улице неосвещенной.

1952.

Кричу я, ускоряя шаг:
— Постойте, Сонечка, не надо!
И только отвечает мрак
Шуршаньем городского сада.

Как страшно. Никого со мной.
Скользит, бесцельно вдаль шагая.
Но мрачно, под окном пивной,
Стоит и курит Свидригайлов.

Там ветки снежные летят
Под ветром европейской ночи,
И звезды горькие глядят
Сквозь туч разгневанные клочья.

1952.

Здесь, в Германии, я у муз
Ничего не делать учусь.

Вместе с кошкой я днем дремлю
Или мух осенних ловлю.

Но никто не знает, что я
Только тень слепая моя.

Что не я, а кто-то другой
Утром с почты несет домой

Синеватый письма квадрат
(Огорчен или очень рад)...

Письма пишет какой-то друг.
Он придуман, как всё вокруг.

1952.

ВЕСНА

1

Отчего эти влажные веси,
Опрокинутый полумесяц,
Забор, береза в стороне —
Напомнили Россию мне?

2

Ноги босые в пыли,
Дорога слепа и зла —
Камни, осколки стекла.
А вверху — журавли, журавли.

3

Маленькое солнце одуванчика в траве,
Белые овечки в нежной синеве.
Что мне это солнце и чистота,
Ведь за декорацией — тлен, пустота.

1952.

Т. С. Ф.

В. Сумбатову.

Когда бегут часы...
Высокой вечностью в лицо мне ветер дышит
И очень сложная машина жизни
Отщелкивает каждую секунду,
Ее отбрасывая прочь в небытие.
Что было только-что уже не повторится...

Когда бегут часы... И вот я знаю:
Бездушный спикер мне об этом скажет:
Что „Achtzehn Uhr"... А дальше передача
Чайковского, иль Шумана, иль просто
Какой-нибудь там танцевальный «шлагер».

А, может быть, и пенье о любви печальной,
О Беатриче, гибнущей, как птица
Под яростным пустынным ураганом.
О Моне-Лизе или о Джульетте...
О чем еще? Иль — о моем молчаньи?

1953.

Сергею Маковскому.

1

Такая тишь заката... Так бывает.
Резные двери. Готика и лед.
Веселый тополь крону наклоняет
И черный дрозд поет себе, поет.

Святая обычайность захолустья.
О, странствия мои! Мои пути!
Здесь как-то странно говорить о грусти,
Искать чего-то, зная — не найти.

1953.

Вереск зацвел у дороги,
Недалека и зима.
Черствый, отрывисто-строгий
Ветер обходит дома.

Если по детски ты плачешь,
Это еще не беда...
Что-то поглубже запрячешь
И позабудешь — куда.

1953.

И старенький вальс недоплакав,
умолкнет шарманка вдали.
Сергей Маковский.

Шарманка старая, печали тайной ящик,
Ты плачешь вечером над жизнью настоящей.
Средь каменных дворов и сонной толкотни,
Когда в домах дрожат урочные огни.

Ты на одной ноге, как инвалид военный,
Поешь о памяти и грусти сокровенной.
Ты детских слез укромный уголок,
Чердачной нищеты дрожащий огонек.

В баварском городке, проездом, ненароком,
Пишу я о тебе как-будто бы с упреком.
С протяжной хрипотой ты выдуваешь звук —
Наука горечи и алгебра разлук.

1953.

Что пишу — никому не нужно.
И заря догорает зря.
Гроздь винограда на ужин,
Крепкий чай и два сухаря.

Мне все снится: я в странном каком-то
Белом городе без людей.
А рядом, в прохладной комнате,
Райский поет соловей.

1953.

...И опять всё то же — пустая,
Германская тишина.
Льдиной медленной день расстаял
У бессмысленного окна.

Если хочешь — молись. Не можешь?
Там в закате сияет крест.
Разве сердце свое положишь
В этот черный чужой подъезд?

Вновь задымленный день уходит.
Одиноко стучит клюка,
Изо всех надоевших мелодий,
Надоедливее — тоска.

1953.

Ахматова, Блок, Гумилев, Мандельштам.
Сожженные годы. Сожженные люди.
Серебряный век начинается там...
А век золотой? Не мечтанье-ль о чуде?

Какие стихи и какие слова!
Полет лихача по снегам голубеющим.
Кровавый закат отражала Нева.
Теперь — только ветер, забвением веющий.

1953.

Ненужный свет залег давно
И месяц просится, ныряя
В подслеповатое окно
Полузабытого сарая.

Там не лежит уже никто,
Соломы клок остыл и высох.
И только ветхое пальто
Шевелят, пробегая, крысы.

Проходит мимо и свистит
Неумудренный обыватель.
Он должен ровно к десяти
Улечься дома, на кровати.

Кому сказать и чем помочь?
Уткнувшись головой в подушку,
Он слышит, как колотит ночь
В сторожевую колотушку.

1953.

В пустоте, в темноте, в мелочах,
В этом мире, что кровью пропах,

В этом вот человеке в пальто,
Нечто есть? Не знает никто.

В этих синих морозных ночах,
В обожженных колючих кустах,

В боли сердца и в звуке далеком
Что-то спрятано глухо, глубоко.

Может — музыка, может быть свет,
Может — этому имени нет.

1953.

И поздний дождь, над миром, как тогда,
И все такое жалкое и злое.
Поет, бормочет за окном вода
О нежном о пленительном покое..

И дождь ночной, как прежде, как тогда,
И дом плывет в безвестные пустыни.
В разрыве туч холодная звезда —
Такой же свет мучительный и синий.

1953.

Ирине Яссен.

Церковка, заросшие пригорки,
Суздальское небо и тоска.
К сонным травам, к луговинам горьким
Мчится мелководная река.

Родина. Летят касатки, свищут,
Пропадая в предзакатной мгле.
Я иду, потерянный и нищий
Поклониться Матери-Земле.

Мальчик босоногий с дудкой звонкой
Гонит стадо в ветровую синь.
На воротах древняя иконка,
А внизу — терновник да полынь.

1942.

СОДЕРЖАНИЕ:

Окончена печатанием
20 мая 1954 г.
в Париже.

Imprimerie S.N.I.E. 32, rue de Ménilmontant. Paris.

СЛЕДУЮЩИЕ СБОРНИКИ "РИФМЫ" ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ :

Вадим Андреев. Второе дыхание.
Вера Булич. Ветви.
Анатолий Величковский. Лицом к лицу.
Тамара Величковская. Белый посох.
Георгий Иванов. Портрет без сходства.
Юрий Иваск. Царская осень.
Владимир Злобин. После ее смерти.
Вл. Корвин-Пиотровский. Воздушный змей.
А. Ладинский. Роза и чума.
Сергей Маковский. Круг и тень.
Сергей Маковский. На пути земном.
Ю. Мандельштам. Годы.
Владимир Набоков. Стихотворения (1929-1951).
Ирина Одоевцева. Контрапункт.
Георгий Раевский. Третья книга.
Ю. Терапиано. Странствие земное.
Юрий Трубецкой. Двойник.
Игорь Чиннов. Монолог.
А. Шиманская. Капля в море.
Анатолий Штейгер. Дважды два четыре.
Е. Щербаков. Свет и камень.
Ирина Яссен. Лазурное око.

Склад издания: ДОМ КНИГИ, 9, rue de l'Eperon, Paris.